

ISSN 0131-3150

4

1979

ИЮЛЬ
АВГУСТ

ИСТОРИЯ
СССР

ИСТОРИЯ СССР

АКАДЕМИЯ
НАУК
СССР

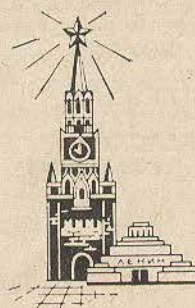
ИНСТИТУТ
ИСТОРИИ
СССР

ЖУРНАЛ
ОСНОВАН
В 1957 ГОДУ

ВЫХОДИТ
6 РАЗ В ГОД

4 · 1979

ИЮЛЬ · АВГУСТ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
НАУКА
МОСКВА

К ПРЕДЫСТОРИИ ДРЕВНЕРУССКОГО ГОРОДА

Проблема предыстории древнерусских городов была поставлена М. Н. Тихомировым: он показал, что города возникали прежде всего на плодородных землях, где в XI—XIII вв. появляются их скопления. Избыток сельскохозяйственных продуктов и потребность в широком производстве сельскохозяйственных орудий создали здесь условия для отделения ремесла от сельского хозяйства и для образования торгово-ремесленных центров сельской округи — городов¹. Однако к моменту написания М. Н. Тихомировым книги древнерусские города, сельскохозяйственные поселения и торгово-ремесленные центры IX—X вв. не были исследованы достаточно полно, а городов этого периода, зафиксированных в летописи, насчитывалось всего лишь около 20. Источниковую базу проблемы значительно расширили археологические раскопки: Б. А. Рыбаковым были выделены «незда» сельских поселений, составивших округи будущих городов накануне возникновения государства². Е. А. Шмидт выявил значительную концентрацию сельских поселений вокруг будущего Смоленска как раз накануне образования города³. Л. В. Алексеев восстанавливает скопления подобного типа поселений в Полоцкой и Смоленской землях по концентрации курганных групп⁴. Наконец, В. Л. Янин и М. Х. Алешковский показали, что Новгород возник из трех древних поселений, следы которых очевидны в мощных напластованиях культурного слоя на территории Славенского, Людина и Неревского концов⁵. Это, однако, единственный случай, дающий возможность реконструировать конкретную предысторию города: культурный слой Новгорода изучен намного лучше по сравнению с другими городами и дал древнейшую для древнерусского города дату — 20-е годы X в., весьма близкую ко времени возникновения Новгорода⁶. (По предположению М. К. Каргера, Киеву также предшествовали три древних поселения — на Андреевской горе, Киселевке и Щековице⁷.) В других случаях наблюдается более значительный разрыв между датировкой обнаруженных древнейших слоев древнерусских городов и временем их образования, за которое условно может быть принято первое упоминание в летописи: в Смоленске и Ростове, например, упомянутых в IX в., не обнаружено напластований древнее XI в. С другой стороны, восточнославянские ремесленные поселки VIII—IX вв. типа Хотомеля, Зимно, Шумска (бывшего также административным и культурным центром небольшой округи) по тем или иным причинам прекратили существование к IX—X вв., не превратившись собственно в города⁸. Эта лакуна в источниковой базе становится еще ощутимей в силу того, что в город-

¹ Тихомиров М. Н. Древнерусские города. М., 1956, с. 58—64.

² Рыбаков Б. А. Союзы племен и проблемы генезиса феодализма на Руси. В кн. Проблемы возникновения феодализма у народов СССР. М., 1969, с. 25—28.

³ Шмидт Е. А. Археологические памятники периода возникновения города Смоленска. В кн. Смоленск. 1100 лет. Смоленск, 1967.

⁴ Алексеев Л. В. Некоторые вопросы заселенности и развития западнорусских земель в IX—XIII вв. В кн. Древняя Русь и славяне. М., 1978.

⁵ Янин В. Л., Алешковский М. Х. Происхождение Новгорода. — «История СССР», 1971, № 2.

⁶ Янин В. Л., Колчин Б. А. Итоги и перспективы новгородской археологии. В кн. Археологическое изучение Новгорода. М., 1978, с. 16.

⁷ Каргер М. К. Древний Киев, т. 1. М.—Л., 1958, с. 115.

⁸ Русанова И. П. Славянские древности VI—VII вв. М., 1976, с. 51—53.

ских культурных слоях Руси не прослеживается IX век, а целенаправленные поиски древнейшей территории ныне существующих городов практически невозможны.

Однако для X в. обильный материал, свидетельствующий о существовании городского ремесла и торговли на Руси, дают курганы, в которых найдены значительные серии вещей, свидетельствующие о наличии сложной технологии производства, орудия труда, привозные изделия и т. п.⁹ Крупнейший памятник этого типа — курганный некрополь у Гнёздово, в 13 км от Смоленска, насчитывающий около 3000 курганов (из которых около 900 раскопано). В последние годы материалы курганных раскопок пополнились за счет исследования поселения, к которому примыкают курганы¹⁰. Важность новых находок очевидна: следы деятельности на поселении не связаны с культовой погребальной практикой и позволяют по-новому поставить вопросы о характере ремесленного производства, торговли и, наконец, связанную с ними проблему происхождения города.

Упомянутое поселение площадью около 16 га состоит из укрепленного городища в устье правого притока Днепра р. Свинец (площадь около 1 га) и селища. Поселение первоначально возникло на рубеже IX—X вв. на небольшой площади, отмеченной следами углубленных в землю построек и скоплениями лепной керамики. Ко второй половине X в. поселение разрастается по берегам Днепра и Сви́нца и смыкается с курганами, охватившими его полукольцом. На середину и вторую половину X в. приходится наиболее интенсивный период в жизни поселения. Не позднее середины этого столетия в его центральной части возводятся новые укрепления. На поселении развиваются бронзолитейное, кузнечное, косторезное, гончарное ремесла, о чем свидетельствуют находки кузнечных шлаков, бронзолитейных тиглей, каменных литейных форм, льячек, ювелирных и слесарных инструментов, бракованных и незаконченных изделий из металла и кости, керамики и др. Несмотря на то, что исследована не вся площадь поселения, а лишь около 4000 кв. м, уже сейчас можно наметить места, связанные с концентрацией ремесленной деятельности — это западная прибрежная его часть. Различия в составе и характере находок, происходящих из разных частей поселения, свидетельствуют не только о хронологической, но также о хозяйственной и, видимо, социальной их неоднородности. С ростом поселения связан и рост курганного некрополя: подавляющая часть гнёздовских курганов, в том числе самые большие и богатые, возведена во второй половине X в. К тому же периоду относятся по крайней мере пять из семи гнёздовских денежно-вещевых кладов.

От сельских поселений и могильников, а также от предшествующих им родовых поселков Гнёздово отличало не только развитие ремесла и размеры (обычно площадь сельских поселений не превышала 1—3 га)¹¹,

⁹ Рыбаков Б. А. Ремесло древней Руси, М., 1948, с. 223—245; Каргер М. К. Указ. соч., с. 138—139; Авдусин Д. А. Материальная культура древней Руси. — «Вопросы истории», 1972, № 7, с. 107 и др.

¹⁰ Ляпушкин И. И. Новое в изучении Гнёздова. — «Археологические открытия 1967 года», М., 1968; Авдусин Д. А. Отчет о раскопках в Гнёздове 1957—60 гг. В кн. Материалы по изучению Смоленской области, М., 1970; Пушкина Т. А. О Гнёздовском поселении. — «Вестник Московского университета», сер. истор., 1974, № 1; ее же. Гнёздовское поселение в истории Смоленского Поднепровья. Автореф. канд. дис. М., 1974.

¹¹ Успенская А. В., Фехнер М. В. Поселения древней Руси. — «Труды» ГИМ, вып. 32. М., 1956, с. 15—16. В. В. Седов относит Гнёздово к поселениям городского типа, исходя из его площади: Седов В. В. Городища Смоленской земли. В кн. Древняя Русь и славяне, с. 148—149.

но и разноэтничный состав его населения. Об этом свидетельствуют не только различия в погребальных обрядах, но и наличие этнически характерных вещей в погребальном инвентаре и культурном слое поселения¹² (бракованные или незаконченные украшения балтских типов, скандинавские женские украшения и амулеты и т. п.). Здесь вместе со славянами жили балты и скандинавы. Заметим, что подобное сосуществование групп различного этнического происхождения на одном поселении едва ли было возможно при родовом строе — племенные распри, захват территории иноплеменников приводили либо к истреблению, либо к быстрой ассимиляции этих групп. Гнёздовское же поселение не только нормально функционировало, но и отличалось сравнительно высоким развитием ремесла. Вещи и монеты из стран Востока, Византии, Средней Европы, Скандинавии, Прибалтики указывают и на широкие связи Гнёздова, важную его роль на Днепровском пути: поселение расположено у волока Днепр — Западная Двина. Волок был наиболее проходим во время «высокой воды», и именно с этими периодами была связана наиболее интенсивная торгово-ремесленная деятельность в Гнёздове. Связь поселения с ближайшей округой не ясна¹³. Зато очевидна ориентация «сезонного» ремесла на обслуживание международного торгового пути¹⁴.

С другой стороны, характер самой торговли и ремесла в раннефеодальную эпоху был социально ограниченным: привозные вещи — будь то каролингский меч, горчица, драгоценное блюдо или ткань (обнаруженные в гнёздовских курганах) — не отражают потребностей внутреннего рынка в целом, свидетельствуя прежде всего о потребностях феодализирующейся знати¹⁵. О накоплении богатств в Гнёздове, помимо дорогих вещей, говорят клады; показательно, что богатство использовалось знатью для поддержания социального престижа — на роскошный погребальный инвентарь и сооружение больших курганов. Невозможно определенно сказать, были ли привозные вещи предметами торговли или военной добычей — торговые предприятия носили обычно военизированный характер и купец легко мог превратиться в война-грабителя. На удовлетворение потребностей дружинной знати было ориентировано частично и местное ремесло. Косвенное свидетельство тому — предметы убора, характерные для костюма знати, обычные для дружинных курганов (поясные наборы, фибулы и другие вещи, которые, судя по местному «гибридному» стилю орнаментации, могли производиться на месте, в Гнёздове), и наличие инструментов ремесленников в инвентаре дружинных погребений на Руси X в.¹⁶ Эта ограниченность про-

¹² Сизов В. И. Курганы Смоленской губернии. Гнёздовский могильник близ Смоленска. — «Материалы по археологии России», вып. 28, СПб., 1902, с. 123; Шмидт Е. А. Об этническом составе населения Гнёздова — «Советская археология», 1970, № 3; Авдусин Д. А. Скандинавские погребения в Гнёздове. — «Вестник Московского университета», сер. истор., 1974, № 1; Пушкина Т. А. О Гнёздовском поселении, с. 89—90.

¹³ Гнёздовскому некрополю близка по составу находок и территориально лишь курганная группа у д. Новоселки; датируемые тем же временем курганы у с. Катынь, д. Вязовеньки, оз. Куприно относятся к сельским кладбищам. Поселения, одновременные Гнёздову, не исследованы.

¹⁴ Авдусин Д. А. Гнёздово и Днепровский путь. В кн. Новое в археологии. М., 1972, с. 165.

¹⁵ Гуревич А. Я. Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе. М., 1970, с. 83—114; Даркевич В. П. К истории торговых связей древней Руси. — «Краткие сообщения Института археологии», вып. 138, 1974. В последнем компендуме, посвященном проблемам раннего государства, на примерах 21 общества показано преобладание в эпоху становления государства внешней торговли, которая является источником доходов знати: The Early State. The Hague, P., N.—Y., 1978, pp. 542—544.

¹⁶ Бліфельд Д. І. До питання про ремесло та ремісників у Київській Русі. — «Археологія», т. IX, Київ, 1954.

изводства — на заказ — характерна для всей раннесредневековой Европы: ремесленниками относительно высокой специализации обслуживались прежде всего дворы князей и феодализирующейся знати¹⁷.

Особенности ремесла и торговли в Гнёздове обратили внимание исследователей на вопрос о социальной структуре его населения (он рассматривался на материале некрополя, включающего большие курганы дружинной знати, меньшие курганы дружинников и сотни незначительных по размерам курганов рядовых общинников). Ныне вопрос должен быть поставлен шире: прежде всего необходимо установить, какая часть жителей Гнёздова здесь погребена и сколько насыпей принадлежит пришельцам, погибшим на волоке, т. е. необходимо выяснить главное — жили ли дружина и знать постоянно в Гнёздове и можно ли считать дружинные курганы захоронениями местной знати. К сожалению, сейчас едва ли возможен окончательный ответ на данный вопрос: для этого необходимо детально исследовать топографию курганов, выяснить, насыпались ли они хаотично, или курганы рядовых общинников ориентированы на большие курганы, отделены от них или нет и т. п. О том, что какая-то часть дружинной знати была местной, говорят особенности погребального обряда: в нем явно ослаблены норманнские черты, что произошло, видимо, под длительным ассимилирующим влиянием славян (возможно, в Гнёздове жили скандинавы не первого поколения)¹⁸. Кроме того, по материалам больших курганов известен специфически русский («варяжский») обряд тризны вокруг ритуального котла. Этот обряд, описанный в скандинавских источниках, тем не менее не встречен в погребениях самой Скандинавии, равно как и на Руси, за исключением больших курганов Чернигова. Видимо, он возник в среде варягов, оказавшихся на Руси, и свидетельствует о местном, русском происхождении гнёздовских варягов¹⁹. Важное значение дружины для Гнёздова подчеркивали М. Н. Тихомиров и Б. А. Рыбаков; Д. А. Авдусин указывал на необходимость присутствия дружины на поселении, контролировавшем волок²⁰. Таким образом, среди жителей Гнёздова были дружинная знать и рядовые общинники, ремесленники и купцы.

Очевидно, что в Гнёздове происходили те же процессы, которые характерны для всех русских земель в период образования раннефеодального государства, о чем свидетельствуют относительно высокая степень отделения ремесла от сельского хозяйства, значительная социальная дифференциация, большая роль международных связей и дружины, совместное проживание разнородных групп населения. Однако в начале XI в. это поступательное развитие сменяется в Гнёздове резким спадом: активная торгово-ремесленная деятельность прекращается, поселение приобретает обычный сельский характер.

Предлагались различные объяснения упадка Гнёздова. Так, считают, что с открытием более удобного торгового пути через р. Воль в XI в. Гнёздово оказалось в стороне от торговой магистрали. Но в таком случае непонятно, почему гнёздовское поселение в течение столетия про-

¹⁷ Рыбаков Б. А. Ремесло древней Руси, с. 432; Стоклицкая-Терешкович В. В. Основные проблемы истории средневекового города. М., 1960, с. 8; Янин В. Л., Колчин Б. А., Указ. соч., с. 28.

¹⁸ Авдусин Д. А. Скандинавские погребения в Гнёздове, с. 86.

¹⁹ См. Петрухин В. Я. Ритуальные сосуды в курганах Гнёздова и Чернигова. — «Вестник Московского университета», сер. истор., 1975, № 2.

²⁰ Тихомиров М. Н. Указ. соч., с. 30; Рыбаков Б. А. Киевская Русь. В кн. История СССР с древнейших времен, т. 1. М. 1965, с. 489; Авдусин Д. А. Гнёздово и Днепровский путь, с. 165—166.

цветало на неудобном участке пути. Связывать гибель торгового центра только с кризисом международной торговли — прекращением притока восточного серебра в начале XI в.²¹ — также, видимо, недостаточно. Показательно, что Смоленск, расположенный в 13 км от Гнёздова и упомянутый летописью как племенной центр кривичей в IX в., не пострадал от этого кризиса. Напротив, раскопки показали, что именно с XI в. начинается интенсивное развитие города; в XII в. Смоленск — уже крупный торгово-ремесленный центр, столица княжества, с развитыми внешними связями (немецкая купеческая слобода и т. п.). В Смоленске получили развитие все городские функции, оставшиеся нереализованными в Гнёздове. Более того, XI век стал временем возникновения новых городов как на Смоленщине, так и повсюду на Руси²².

Парадокс развития двух соседних центров породил различные гипотезы об их отношении друг к другу. Самая распространенная из них: Гнёздово — первоначальный Смоленск; и что в XI в. город был будто бы перенесен на современное место. Предложенная А. А. Спицыным, эта гипотеза до сих пор поддерживается рядом исследователей: И. И. Ляпушкиным, Л. В. Алексеевым, В. А. Булкиным и другими^{22а}. Она базируется в значительной мере на предположении о наличии курганов и культурного слоя в Гнёздове с IX в. и отсутствии культурных напластований IX—X вв. в Смоленске. Однако отнесение времени возникновения Гнёздова к началу IX в. недостаточно аргументировано: ранняя датировка комплекса, основанная на находках лепной керамики, требует дополнительной аргументации — лепная керамика бытовала в Гнёздове и в течение X в. Против того, что в IX—X вв. здесь был племенной центр кривичей, говорит и разноэтничный состав населения Гнёздова. Кроме того, Смоленск оказывается на своем месте уже в 1015 г. — он виден со Смядыни, по свидетельству «Жития Бориса и Глеба»²³. Наконец, кончанская топография города указывает на его автохтонное развитие²⁴. Возможность переноса города представляется поэтому маловероятной, даже если отвлечься от вопроса, зачем это могло понадобиться.

Предположение о Гнёздове как о кладбище Смоленска с исследованием собственно гнёздовского поселения отпадает. К тому же возможность появления на кладбище племенного центра погребений иноэтнической (норманнской) знати, а не собственно предков — кривичей, весьма сомнительна.

Впрочем, Л. В. Алексеев объясняет наличие скандинавских курганов в Гнёздове (по его мнению, первоначальном Смоленске) тем, что они принадлежали «норманнским чиновникам», собиравшим дань с кривичей^{24а}. Но, во-первых, это противоречит собственной концепции автора о Гнёздове-Смоленске как племенном центре кривичей — в таком случае это, скорее, центр норманнского господства. Во-вторых, дань, собирае-

²¹ Булкин В. А. Гнёздовский могильник и курганные древности Смоленского Поднепровья. Автореф. канд. дис. Л., 1973, с. 20.

²² Седов В. В. Смоленская земля. В кн. Древнерусские княжества X—XIII вв. М., 1975, с. 247.

^{22а} Ляпушкин И. И. Гнёздово и Смоленск. В кн. Проблемы истории феодальной России. Л., 1971; Алексеев Л. В. О древнем Смоленске. — «Советская археология», 1977, № 1.

²³ Тихомиров М. Н. Указ. соч., с. 30.

²⁴ О восхождении кончанской топографии к пережиткам родоплеменных социальных структур см.: Фадеев Л. А. Происхождение и роль системы городских концов в развитии древнейших русских городов. В кн. Русский город. М., 1976.

^{24а} Алексеев Л. В. О древнем Смоленске, с. 89.

мая с кривичей, конечно, не предназначалась «заморским» варягам. Гнёздовские норманны, погребенные в курганах второй половины X в., были уже русскими дружинниками и принадлежали, судя по аналогичным погребениям на Черниговщине (как отмечал еще В. И. Сизов), к дружинным верхам Киевской Руси. Полоудье же с кривичей собирал в X в. киевский князь²⁵. По наблюдениям В. Л. Янина, Смоленское Поднепровье входило в ареал южнорусской денежно-весовой системы, что может свидетельствовать не только об экономических, но и о политических связях этих территорий²⁶. Эти данные позволяют считать, что Смоленщина X в., и в частности Гнёздово, входила в сферу влияния «Русской земли» — Киева²⁷.

Едва ли дань, собираемая киевским князем, шла через Смоленск: он не упомянут среди великокняжеских центров, подвластных Олегу. Д. А. Авдусин считает, что исчезновение Смоленска со страниц летописей с 882 вплоть до 1015 г. указывает на неподвластность города киевским князьям: видимо, посадники Олега не удержались в Смоленске²⁸. А. Н. Насонов также считал, что «мужей» киевского князя не было в Смоленске — Киев был заинтересован лишь в регулярном сборе дани. Однако исследователь, как и большинство ученых, признающих Гнёздово ранним Смоленском, противоречит сам себе: с одной стороны, гнёздовские дружинные курганы обнаруживают «южнорусское влияние», с другой — оказываются принадлежащими местной кривичской знати²⁹.

С открытием (с 1976 г.) в Гнёздове камерных дружинных гробниц, аналогичных погребениям Киевского некрополя и Черниговщины, о связи Гнёздова с Киевом можно говорить уверенней: видимо, дружина, собиравшая полоудье, останавливалась здесь. Обычно полоудье и сбор дани требовали наличия специальных погостов или становищ, на которые опирались бы князь и дружина (слово «погост» первоначально означало «стан для князя и княжеской дружины, наезжавшей для собирания дани»³⁰). Очевидно, таким погостом было и Гнёздово³¹. Во всяком случае и сам торгово-ремесленный центр должен был нуждаться в продуктах дани — они шли на внешний рынок. Гнёздово, таким образом, оказалось оплотом великокняжеской власти на территории кривичей, в непосредственной близости от ее исконного центра — Смоленска, видимо, не подвластного Киеву.

²⁵ Константин Багрянородный. Об управлении государством. — «Известия ГАИМК», вып. 91. М.—Л., 1934, с. 10.

²⁶ Янин В. Л. Денежно-весовые системы русского средневековья М., 1956, с. 151.

²⁷ О тяготении Гнёздова и Смоленщины к южнорусским центрам свидетельствует и керамический материал: с середины X в. здесь появляются керамические формы, характерные для сосудов Киева и Чернигова (Каменецкая Е. В. Керамика как источник по истории Смоленской земли. Автореф. канд. дис. М., 1976, с. 20).

²⁸ Авдусин Д. А. К вопросу о происхождении Смоленска и его первоначальной топографии. В кн. Смоленск. 1100 лет, с. 66—68.

²⁹ Насонов А. Н. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. М., 1951, с. 162—163. К мнению А. Н. Насонова о кривичском происхождении гнёздовской знати и Смоленске как центре сбора дани присоединяется Б. А. Рыбаков. Однако неясно, отождествляет ли он Гнёздово со Смоленском (см. Рыбаков Б. А. Смерды. — «История СССР», 1979, № 2, с. 44) или считает его «лагерем» возле древнего города (Рыбаков Б. А. Киевская Русь, с. 489).

³⁰ Потебня А. А. К истории звуков русского языка. Этимологические заметки. 4. Варшава, 1883. Б. А. Рыбаков называет становищем пункт, где останавливалась на ночлег совершающая полоудье дружина и где хранилась свозившаяся с округи дань (Рыбаков Б. А. Смерды, с. 42—43). Л. В. Черепнин считал становище укрепленным пунктом, где представители княжеской администрации принимали дань от местного населения (Черепнин Л. В. Общественно-политические отношения в древней Руси и Русская Правда. В кн. Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965, с. 149).

³¹ Первым о Гнёздове как о погосте писал В. И. Сизов (Указ. соч., с. 125—126).

Собственно Смоленск, как предполагают, был подчинен Киевом на рубеже X—XI вв., с чем может быть соотнесено крещение Смоленщины в 1013 г. Подчинение Смоленска связано, очевидно, с общей стабилизацией Древнерусского государства: переход от активной внешней экспансии к упорядочению внутренней политики породил стремление закрепить охваченные полудьем территории и обосноваться в исконных их центрах. В таком случае необходимость в погосте-двойнике местного центра отпадала, что могло оказаться основной причиной упадка Гнёздова. В целом же система погостов, особенно в областях древнерусского заселения и во вновь подчиненных районах, продолжала расширяться.

В связи с упадком Гнёздова можно предполагать перенос некоторых административных функций погоста в Смоленск и переход туда части населения в XI в., но это не перенос города. Стремление обосноваться в Смоленске, видимо, не вполне увенчалось успехом для Рюриковичей из-за начавшейся усобицы. Одно из немногих упоминаний города на страницах летописей связано с убийством князя Глеба в 1015 г., причем тот, придя в Смоленск, остановился не в городе, а на Смядыни, где и погиб³². Ярослав Мудрый оставил Смоленск сыну Вячеславу Ярославичу, правившему в городе в 1054—1057 гг. Показательно, что печать князя найдена на Смядыни — будущей экстерриториальной резиденции смоленских князей³³. После смерти Вячеслава и второго Ярославича — Игоря (1060 г.) Смоленск был разделен «на три части» старшими Ярославичами — князьями Киева, Чернигова и Переяславля³⁴ (т. е. Русской земли в узком смысле), что, видимо, отражало традиционную зависимость смоленщины от Русской земли. Однако уже в 1096 г. «смолянне» не приняли Олега Святославича, направленного в город киевским и переяславским князьями³⁵. Вся дальнейшая история Смоленска (точнее, ее фрагменты, уцелевшие на летописных страницах) есть история борьбы и компромиссов между смолянами (вечем) и князьями, резиденция которых располагалась вне города, на той же Смядыни.

Не противостало ли и Гнёздово Смоленску как великокняжеский дружинный центр-погост многоэтнического государства вечевому и племенному центру? Институт вече, активная деятельность которого известна в Смоленске с конца XI в., уходит корнями в народные собрания эпохи родоплеменного строя. Его деятельностью руководили наследники племенной аристократии — боярство. Не случайно первый компромисс между смолянами и князем — признание Игоря и покорность Олегу — осуществляется старейшинами, представителями родоплеменной знати. Вероятно, этот компромисс был продиктован войском Олега, но форма его — то, что Олег «приял», а не взял город — близка традиционному призванию князя³⁶.

Борьба князя и веча — характернейшая черта всей внутривнутриполитической истории древней Руси. Результаты ее были разными и непостоянными. В Киеве — столице Древнерусского государства — княжеская власть, естественно, утвердилась довольно прочно, на что указывает, в частности, дружинный некрополь X в. у стен самого города, но сохранялись и вечевые порядки, особенно в кризисные моменты истории. Сильным оставалось вече и в княжеском Полоцке³⁷. В Новгороде, для

³² ПВЛ, ч. I, с. 92.

³³ Янин В. Л. Актовые печати древней Руси, ч. I. М., 1970, № 14.

³⁴ Тихомиров М. Н. Указ. соч., с. 354.

³⁵ ПВЛ, ч. I, с. 151.

³⁶ Мавродин В. В., Фроянов И. Я. «Старцы градские» на Руси X в. В кн. Культура средневековой Руси. Л., 1974, с. 31.

³⁷ Штыхов Г. В. Древний Полоцк. Минск, 1975, с. 15—21.

которого впервые зафиксирован в летописи акт призвания князя, с распадом раннефеодального государства господствовало вече. Там же произошёл и детально описанный конфликт между князем (дружиной) и горожанами. Новгородцы перебили варягов Ярослава, за что тот отомстил возглавлявшим восстание «нарочитым мужам». Затем, нуждаясь в поддержке новгородцев, Ярослав пошел с ними на соглашение, результатом которого и была Русская Правда³⁸.

Обе социальные группировки — вече во главе с боярством и князь, опиравшийся на дружину, в любом случае пытались упрочить свое положение. Возникает противостояние двух социальных сил, которое оформляется и топографически — в экстерриториальности резиденции князя, как это было в Новгороде, Полоцке, Смоленске, в Ростово-Суздальской земле. Очевидно, что с этой точки зрения следует рассматривать и то «малопонятное обстоятельство», что и в Киеве все события, связанные с жизнью княжеского двора в середине и второй половине X в., разворачиваются на теремном дворе «вне града», а не на княжеском дворе в городе³⁹. Ту же функцию экстерриториальной княжеской резиденции выполнял еще «Ольгин град» — Вышгород, расположенный в 15 км от Киева и сопоставляемый в древнерусских источниках со Смядынью и Боголюбывым⁴⁰.

Древнейший период русской истории (IX—XI вв.) был временем относительного господства центральной княжеской власти, опиравшейся на мощные дружины — именно относительного, а не полного. Единство раннефеодального государства было эфемерным: киевские князья так и не смогли закрепить за собой основные центры Руси и тем более объединить их. Политика раздачи городов сыновьям великим князем привела к юридическому оформлению раздробленности со смертью Ярослава Мудрого.

Другим методом закрепления завоеванных земель, примененным еще Ольгой в Древланской земле и на Новгородчине (946—947 гг.), было установление «уроков и уставов», насаждение системы погостов и становищ. Б. А. Рыбаков противопоставляет становища, как кратковременные станы для полюдь, погостам — дополнительной системе пунктов сбора дани вне «зоны» полюдь в X в. (Новгородчина, Северо-Восточная Русь), которая сформировалась во второй половине X и XI в. Вместе с тем он отмечает необходимость постоянно функционирующих центров для своза и хранения дани, а не только для однократных остановок на территории полюдь⁴¹. Если обратиться к археологическим материалам X в., то к великокняжеским погостам вне зоны полюдь, реконструированной Б. А. Рыбаковым, можно отнести памятники, отмеченные дружинными кладбищами на Ярославщине (Тимерево и др.) и Владимирщине (Владимирские курганы)⁴²; расцвет их материальной культуры приходится как раз на середину — вторую половину X в. Но одновременные дружинные некрополи и поселения известны и в зоне полюдь: это Гнёздово (аналогичные гнёздовским курганы раскопаны в Новоселках и близ Торопца на Смоленщине), Шестовицы (и, возможно, Седнев)

³⁸ Черепнин Л. В. Общественно-политические отношения в древней Руси и Русская Правда, с. 131—138.

³⁹ Каргер М. К. Указ. соч., т. 1, с. 267.

⁴⁰ Тихомиров М. Н. Указ. соч., с. 152, 294—298.

⁴¹ Рыбаков Б. А. Смерды, с. 42—49; см. также Черепнин Л. В. Общественно-политические отношения в древней Руси и Русская Правда, с. 146—149.

⁴² А. А. Спицын считал, что часть владимирских курганов принадлежала дружинникам князя Бориса, охранявшим интересы Киева на пути к Волге: Спицын А. А. Владимирские курганы. — «Известия Археологической комиссии», вып. 15, СПб., 1905, с. 167.

на Черниговщине. Связующая эти памятники материальная культура (наборы оружия и украшений) и обряд (трупосожжения с богатым инвентарем и жертвами под высокими курганами, камерные гробницы) характерны и для киевского некрополя, а стало быть — для феодализирующейся дружинной верхушки Киевской Руси в целом. Присутствие великокняжеских дружин на погостах или становищах в X в., таким образом, не только расширяло «сферу первичного окняжения», но и закрепляло зону полюдья за великим князем.

Силы великого князя и местного боярства, видимо, оказались уравновешенными в X в. — возникло своеобразное «двоевластие». Рядом с племенными центрами, где сильно была местная знать, на жизненно важных для Древнерусского государства международных путях, привлекающих разноплеменных воинов, торговцев и ремесленников, появляются новые центры, ориентированные на обслуживание внешних связей Руси, феодализирующейся дружины, на сбор дани и т. д. Таковы Гнёздово под Смоленском, «Рюриково городище» под Новгородом, Сарское городище под Ростовом⁴³, Шестовицкое поселение под Черниговом, возможно, Тимеревское селище под Ярославлем. Вероятно, с политикой насаждения погостов связано то обстоятельство, что серединой X в. датируются новые укрепления на этих поселениях; вал на Гнёздовском городище, вторая линия укреплений на Сарском. Впрочем, напряженность обстановки чувствуется в это время повсюду: укрепляются Ладога, Киев, Новгород, Полоцк, Изборск; Смоленск упоминается Константином Багрянородным как крепость.

Наиболее спорной в предложенном построении является гипотеза о сосуществовании погостов и племенных центров. Как уже упоминалось, в Смоленске и Ростове слои IX—X вв. не обнаружены — известны лишь находки отдельных вещей этого времени (в Смоленске найдены дирхемы VIII—X вв., бусы-«лимонки»⁴⁴, стеклянная западноевропейская гемма IX—X вв.⁴⁵ и др.).

Ярославль, по убедительному предположению В. А. Кучкина, был основан во время княжения Ярослава Мудрого в Ростове, т. е. до 1014 г.⁴⁶ Однако Н. Н. Воронин считал, что крепости Ярослава предшествовало более древнее поселение и культовый центр — «Медвежий угол»; в таком случае неукрепленное Тимерево сосуществовало с поселением на месте Ярославля в X в. и едва ли могло быть перенесено туда уже в виде крепости⁴⁷.

Наконец, Новгород определенно сосуществовал в X в. с поселением на «Рюриковом городище», возникшим на рубеже IX—X вв. и имевшим характер торгово-ремесленного и, по-видимому, военно-административ-

⁴³ Последнее обстоятельное исследование А. Е. Леонтьева (Сарское городище в истории Ростовской земли. Автореф. канд. дис. М., 1975) показало, что Сарское городище было торгово-ремесленным центром, аналогичным Гнёздову. Не вполне убедительно, однако, предположение исследователя о том, что Сарское, а не Ростов, вопреки летописи, было племенным центром мери. Вся история Ростово-Суздальской земли показывает, что город (Ростов) «со своими тысяцкими и боярством» едва ли мог быть «опорным пунктом древнерусской княжеской власти» (с. 22, 24) — таким пунктом-погостом было, по-видимому, Сарское городище.

⁴⁴ Марков А. Н. Топография кладов восточных монет. СПб, 1910, с. 45, 141.

⁴⁵ Даркевич В. П. Гемма из Смоленска. — «Краткие сообщения Института археологии», вып. 104, 1965.

⁴⁶ Кучкин В. А. Ростово-Суздальская земля в X — первой трети XIII в. — «История СССР», 1969, № 2, с. 64—65.

⁴⁷ Воронин Н. Н. Раскопки в Ярославле. — «Материалы и исследования по археологии СССР». М.—Л., 1949, с. 191; Добровольский И. Г., Дубов И. В. Археологический комплекс у деревни Большое Тимерево под Ярославлем. — «Вестник Ленинградского университета», сер. истор., лит. и яз., 1975, № 2, с. 68.

ного центра⁴⁸. М. Н. Тихомиров считал Городище исконной резиденцией князя, основанной еще Рюриком, что и нашло отражение в двух версиях легенды об основании города — словенцами и варягами⁴⁹. Кроме того, большие курганы Чернигова свидетельствуют о сосуществовании города с поселением в Шестовицах в X в. Летописи и известие Константина Багрянородного говорят об одновременных «градах» в Киеве и Вышгороде в X в.

Существенно, что Новгород, Ростов, Смоленск упоминаются летописью как племенные центры с IX в. Не вполне правомерно, ссылаясь на отсутствие археологических данных, отрицать достоверность летописных известий, тем более, что они не подвергаются сомнению большинством исследователей для таких городов, как Новгород и Киев, где также не обнаружено слов IX в. Возможность же «переноса» городов сомнительна и в силу различной социальной роли погостов и племенных центров, и в силу того, что известны примеры существования парных поселений в X в. Б. А. Рыбаков считал Гнёздово, «Рюриково городище», Шестовицы лагерями норманнов, оказавшихся не в состоянии овладеть русскими городами⁵⁰. Последние исследования показали более широкое значение этих поселений, как в этническом, так и в экономическом плане, хотя скандинавские дружинники и останавливались в этих пунктах⁵¹.

Перечисленные поселения-погосты и курганы объединяет общность культуры городского облика и общность исторических судеб. Возникновение и развитие этих центров связано с процессом становления Древнерусского государства: их расцвет в середине — второй половине X в. совпадает с общей консолидацией раннефеодального государственного образования. Это проявлялось не только в установлении системы поборов и «кормлений», но и в оседании дружинной знати на подвластных землях, т. е. собственно в процессе феодализации⁵². Очевидно, что именно последним объясняются и местные черты в обряде больших гнёздовских и черниговских курганов, и рассеянность дружинных кладбищ по территории подвластной Киеву Черниговщины⁵³.

Интенсивная феодализация определила и кратковременность процветания центров, ориентированных на внешние связи и оторванных от местной округи. Собственно «внешней» была и их связь с Киевом. Оседавшая в этих центрах знать недолго составляла конкуренцию местной племенной аристократии. Интересы феодалов в принципе совпадали: они состояли прежде всего в подчинении местной округи. Административные и торговые функции перешли от погостов к развивающимся из племенных центров городам. Погосты сыграли значительную роль в формировании раннефеодального государства и городского производства на Руси X — начала XI в. и исчезли с консолидацией земель вокруг старых племенных центров и распадом «империи Рюриковичей». Именно с XI в. начинается интенсивный рост старых городов и возникновение новых

⁴⁸ Носов Е. Н. Поселения Приильменя и Поволховья в конце I тыс. н. э. Автореф. канд. дис. М., 1977, с. 10—14.

⁴⁹ Тихомиров М. Н. Указ. соч., с. 22—23.

⁵⁰ Рыбаков Б. А. Киевская Русь, с. 489.

⁵¹ Интересно в этом смысле письмо, отправленное Владимиром Святославичем византийскому императору с варяжской дружиной; оно проливает свет и на политику князей в отношении варягов на Руси: Владимир не рекомендует императору держать норманнов в «граде», но советует «расточить» их по разным местам (ПВЛ, ч. 1, с. 20), что, надо полагать, практиковалось и на Руси.

⁵² Алешковский М. Х. Курганы русских дружинников XI—XII вв. — «Советская археология», 1960, № 1, с. 84—86.

⁵³ Рыбаков Б. А. Древности Чернигова. — «Материалы и исследования по археологии СССР», с. 52.

на местной основе⁵⁴; появляются посады, развивается внешняя и, главное, внутренняя торговля⁵⁵. С середины XI в. выделяется специализированная прослойка гостей-купцов, укрепляется власть боярства, оформляются отношения между князьями и вечевыми городами («ряд»).

Таким образом, не только и не просто экономическая эволюция торгово-ремесленных центров привела к образованию городов: процессу их возникновения были присущи все противоречия эпохи становления классового общества и государственности. Ориентация ранних торгово-ремесленных центров на внешние связи и дружинные верхи соответствовала стремлению самих верхов Киевской Руси проводить активную внешнюю экспансию и объединить малосвязанные экономически земли. Это стремление определяло и формы эксплуатации подвластных территорий — дань, походы-«кормления», полюдья или навязывание дружины городам на «покор»⁵⁶. Естественно, что такой характер государства не удовлетворял феодализирующуюся родоплеменную знать: борьба князя и дружины с племенной аристократией определяла внутреннюю политику на Руси IX—X вв. и привела к противостоянию парных центров типа Гнёздово — Смоленск.

Конечно, возникновение центров-соперников не исчерпывало всего разнообразия социально-политических условий формирования городов. Так, Полоцк, упомянутый Лаврентьевской летописью как «племенной» город, был захвачен находниками-варягами, посадниками Рюрика. В начале X в. там известен «великий князь» — вассал Олега. Во второй половине X в. в Полоцке правит самостоятельно норманн Рогволод. К сожалению, городской некрополь не сохранился: его дружинный характер можно только предполагать⁵⁷. Курганы находились рядом с городом (как в Киеве и Чернигове): возможно, там были погребены дружинники, на которых опирались князья, захватившие племенной центр. Общий кризис начала XI в., по-видимому, не обошел и Полоцка — детинец, оплот князя в X в., был перенесен со старого городища на Верхний замок, который в XII в. известен уже как резиденция епископа. Князь оказался вне города, в Бельчицах. Видимо, вече восстановило свои права в городе.

В подвластном Киеву Чернигове сохранились, как и в самом Киеве, дружинные курганы — свидетельство подчинения города княжеской власти. Черная Могила, как уже отмечалось, близка по особенностям ритуала большим гнёздовским курганам, и, вероятно, принадлежит не известному черниговскому князю и, тем более, не местному боярину, а киевскому посаднику в Чернигове. Несмотря на то, что город был покорен киевскими князьями, а курганами с захоронениями их дружинников полны его окрестности, необходим был и специальный дружинный центр. Сходные по топографии и археологическим материалам с Гнёздовом городище, селище и курганный некрополь находятся в Шестовицах, в 16 км от Чернигова. Стало быть, и в княжеских городах X в. за-

⁵⁴ Тихомиров М. Н. Указ. соч., с. 32—43; Воронин Н. Н., Раппопорт П. А. Археологическое изучение древнерусского города. — «Краткие сообщения Института археологии», вып. 96, 1963.

⁵⁵ Рыбаков Б. А. Торговля. В кн. История культуры древней Руси, т. 1. М.—Л., 1949, с. 366. Х. А. Моора и Х. М. Лиги различают три этапа в развитии торговли: «Первый этап — первобытный межплеменной обмен. На втором этапе возникает торговый обмен между отдельными центрами и народами. На третьем этапе, с постепенным развитием товарного производства, появляются профессиональные купцы. На этом этапе возникают города» (К вопросу о генезисе феодализма у народов Прибалтики. В кн. Проблемы возникновения феодализма у народов СССР).

⁵⁶ Пашуто В. Т. Черты политического строя древней Руси. В кн. Древнерусское государство и его международное значение, с. 51—52.

⁵⁷ Штыхов Г. В. Древний Полоцк, с. 31, 18.

метна та же дифференциация социальных сил, что и в Смоленске и в Гнёздове: Киев и Вышгород, например.

Эта дифференциация присуща была не только раннесредневековой Руси. Аналогичными Гнёздову, Сарскому городищу, Шестовицам предгородскими образованиями были скандинавские «вики» Бирка, Хедебю, Ширингсаль⁵⁸. Бирка и Хедебю были подвластны конунгам, их посадникам («викграф» в Бирке)⁵⁹ и дружинникам, о чем свидетельствуют дружинные погребения в камерах, аналогичные киевским, черниговским и гнёздовским⁶⁰. Вики обеспечивали также военно-торговую экспансию викингов, близкую по характеру походам первых Рюриковичей. Расцвет торгово-ремесленных факторий к концу X столетия сменился упадком Бирки и Ширингсалья, в первой половине XI в.— Хедебю. Бирку сменила Сигтуна, торговым центром Вестфолы вместо Ширингсалья стал Тёнсберг, Хедебю уступил место Шлезвигу, на Готланде функции вика Павикена перенял Висбю⁶¹. Из параллельно развивавшихся центров жизнеспособными оказались те, которые больше были связаны с местной экономической средой⁶², а не с внешней экспансией. Конец эпохи викингов стал концом вигов, как и распад раннефеодального Русского государства означал упадок связанных с ним центров-погостов.

«Торговые города», близкие по функциям скандинавским викам, существовали и в империи Каролингов⁶³: они также обслуживали императорский двор и армию. Подобные «эмбрионы» городов известны и в землях западных славян⁶⁴. «Грады» Великой Моравии — Микульчицы, Поганско, Старе Место — центры развивающегося ремесла и торговли, также служили погостами для двора Меймировичей, не имевших постоянной резиденции. «Посадники», правившие градами, выбирались из среды дружинников государя: дружинные погребения исследованы в градских некрополях. С военным поражением Великоморавской державы запустевают и ее центры⁶⁵. «Торговые порты», специализированные на удовлетворение интересов внешней торговли и потребностей знати (правителей), как показали последние исследования, вообще характерны для раннегосударственных образований⁶⁶.

Участь предгородских образований была различной: те города, которые сумели преодолеть раннюю ориентацию на внешние связи и ограниченный характер ремесла, удовлетворявшего прежде всего потребности феодализирующихся верхов, стали центрами товарного производ-

⁵⁸ Булкин В. А., Лебедев Г. С. Гнёздово и Бирка (к проблеме становления города). В кн. Культура средневековой Руси. Л., 1974; Jan k u h n Н. Haithabu. Eine Handelsplatz der Wikihgerzeit. Neumünster, 1963.

⁵⁹ Характерное для эпохи становления классового общества и государства «двоевластие» конунга и тинга присуще была и Бирке.

⁶⁰ Авторы присоединяются к мнению Г. С. Лебедева о дружинном характере камерных погребниц (а не купеческом, как предполагалось ранее): Лебедев Г. С. Социальная топография могильника «эпохи викингов» в Бирке.— «Скандинавский сборник», вып. XXII. Таллин, 1977, с. 147—151.

⁶¹ Гуревич А. Я. Походы викингов. М., 1966, с. 62; Lundstrom P. Paviken I bei Västergem Haben, Handelsplatz und Werft. In: Vor — und Frühgeschichte der Stadt, Neumünster, 1975; Herteig A. E., Liden A. E., Blindheim Ch. Archaeological Contributions to the Early History of Urban Communities in Norway. Oslo, 1975.

⁶² Foot P. G., Wilson D. M. The Viking Achievement. L., 1972, p. 214.

⁶³ В их число входил и сам Ахен: см. Рослановский Т. Западногерманские города в раннем средневековье. — «Средние века», вып. 34, 1971, с. 246—247.

⁶⁴ Leciewiez L. Die Anfänge der westslawischen Städte im Rahmen der Urbanisationprozesse Europas im frühen Mittelalter. In: I Miedzynarodowy Kongres archeologii Słowianskiej, 4. Warszawa, 1968, s. 266.

⁶⁵ Ванечек В. Государство моравов. В кн. Великоморавская держава. Прага, 1963, с. 18.

⁶⁶ Claessen H. J. M. The Early State: a Structural Approach.— «Early State», pp. 541—544.

ства — экономическими центрами округа. Дальнейшая роль городов в истории феодального общества также связана с отношением их к сельскохозяйственной округе, местному рынку⁶⁷. Подъем городов в Европе относится к XI в. и знаменует начало эпохи развитого феодализма⁶⁸.

В данной статье предпринята попытка наметить некоторые важные вопросы предыстории города, которые невозможно поставить и решить на материалах одного лишь Гнёздова, равно как и на изучении только археологических или только письменных источников. Так, археологически невозможно объяснить упадок Гнёздова и подобных ему центров; письменные же источники, не упоминая их прямо, все же позволяют увязать их расцвет в середине X в. со становлением земель вокруг исконных центров.

Очевидно, что вопросы происхождения и ранней истории города не могут быть решены без детального археологического исследования поселений периода формирования городов и связанных с ними могильников IX—XI вв., проведенного в сопоставлении с фактами письменной истории.

Представляется, что при дальнейшей историко-археологической интерпретации полученных материалов важно учитывать характер ремесла (на заказ, на рынок) и торговли (внутренняя, внешняя); торгово-ремесленные связи с местной округой; этнический состав поселения (полиэтничность, моноэтничность); характер связи с социальной структурой раннефеодального общества в целом (по данным археологии и письменных источников): вечевой или племенной центр, княжеский город, погост и т. д. На наш взгляд, необходимо провести сопоставление изучаемых поселений IX—XI вв. с памятниками предшествующего периода и развитыми городами, а также сравнительно-исторический анализ аналогичных памятников и явлений раннесредневековой Европы с целью создания типологии поселений эпохи раннего феодализма и изучения закономерностей их развития.

⁶⁷ «Если создавшийся вокруг города местный рынок был достаточно прочен, — пишет М. Г. Рабинович, — то даже разоренный дотла неприятелем город восстанавливался из развалин в сравнительно короткий срок» (Очерки этнографии русского феодального города. М., 1978, с. 21). Ср. также: Гутнова Е. В., Удальцова З. В. К вопросу о типологии развитого феодализма в Западной Европе. В кн. Проблемы социально-экономических формаций. М., 1975, с. 122.

⁶⁸ Сюзюмов М. Я. Возникновение средневекового города. — «Средние века», вып. 31, 1968.

